

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

АЛИНЕИ М

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС ЕВРОПЫ: ПЕРВЫЕ ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА*

Подводя итоги более чем двадцатилетней работы, можно говорить о находящемся в стадии публикации Лингвистическом атласе Европы как о законченном труде. Поэтому здесь нам представляется необходимым охарактеризовать организационную и научную структуру проекта, его историю, значение и дальнейшие перспективы.

К настоящему времени в издательстве Ван Горкум опубликованы вводный том [1], два вопросника ЛАЕ [2, 3] и четыре двойных тома [4—7] с комментариями (объемом 750 с.) и 44 европейскими картами (карты подготовлены в Институте геологии и картографии в Германии). Поскольку новая программа ЛАЕ предусматривает публикацию примерно 150 карт в 12 двойных томах, можно сказать, что издана примерно одна треть труда.

Были картографированы и опубликованы 34 вопроса Первого вопросника: "радуга", "ласка", "береза", "ветка", "туман", "сосулька", "тополь", "дуб", "божья коровка", "огурец", "медь", "молния (сверкающая в небе)", "олово", "пруд", "лужа", "цветок", "молния (попадающая в объект)", "можжевелик", "град", "озеро", "луна", "море", "гора", "ежевика", "снег", "облако", "сосна", "свинок", "груша", "река", "кузнечик", "солнце", "гром", "ветер". Карт с комментариями опубликовано больше, чем имеется соответствующих вопросов, что зависит от четырех факторов: 1) один вопрос может трактоваться или ономастологически или мотивационно, 2) даже в соответствии с одной из трактовок материалы могут картографироваться более чем на одной карте, 3) для тесно связанных между собой карт может быть представлена структурная карта, 4) для тесно связанных между собой вопросов возможен объединенный комментарий.

Ономастологические карты "береза", "ветка", "туман", "огурец", "медь", "молния (сверкающая в небе)", "олово", "лужа", "цветок", "молния (попадающая в объект)", "можжевелик", "град", "озеро", "луна", "море", "гора", "ежевика", "снег", "облако", "тополь", "сосна", "свинок", "груша", "река", "солнце", "гром",

От редакции. Публикуемая статья об итогах и перспективах проекта Лингвистического Атласа Европы (ЛАЕ) подготовлена по заказу редколлегии журнала руководителем Атласа — проф. Марио Алинеи. С этой работой по сбору, картографированию и комментированию материала всех языков континента в пределах его географических рубежей, начатой под эгидой ЮНЕСКО еще в 1970 г., широкая лингвистическая общественность СНГ по существу незнакома. Между тем за истекший период проделана огромная работа, результатом которой является создание соответствующих картотек и выходов в свет четырех выпусков Атласа. Автор статьи объективно излагает научные принципы, историю и ближайшие перспективы этой темы международного сотрудничества, призванной сыграть определенную роль не только в развитии лингвогеографических исследований, но и в строительстве общеевропейского дома. В частности, он отдает должное большому коллективу ученых бывшего СССР, активно сотрудничавшему с их зарубежными коллегами с начала работы над проектом.

"ветер". Мотивационные карты: "радуга", "ласка", "ветка", "сосулька", "дуб", "божья коровка", "ежевика", "кузнечик". Ономастические и мотивационные карты: "радуга", "ветка", "ежевика". Структурные карты: "молния (сверкающая в небе)", "молния (попадающая в объект)", "гром". В нескольких случаях дан единый комментарий для нескольких карт — "медь", "олово", "свинца" "молния (сверкающая в небе)", "молния (попадающая в объект)", "гром".

Авторов 44 карт и соответствующих комментариев к ним в четырех опубликованных томах всего 24. Поскольку было рассмотрено 34 вопроса первого вопросника, можно сделать вывод, что 1) многие авторы сделали больше одной карты и что 2) по крайней мере некоторые авторы обработали больше одного вопроса. Действительно, состав авторов по количеству карт следующий: 1 автор с 8 картами (Алиев), 1 автор с 6 картами (Вейнен), 2 автора с 4 картами (Крайсен, Мойман), 4 автора с 3 картами (Баррос-Феррейра, Итконен, Геман, Хогерхейде), 5 авторов с 2 картами (Брозвич, Донадзе, Каприни, Кожина, Тюайон), 11 авторов с одной картой (Аванесов, Хильдебрандт, Иванов, Кальман, Петр, Сараманду, Серебренников, Стан, Шимчак и др., Течишев, Виторино). При классификации авторов по "национальной" принадлежности получим: 6 из бывшего СССР, 5 из Нидерландов, 3 из Португалии, 2 из Италии, 1 из Германии, 1 из Финляндии, 1 из Венгрии, 1 (группа авторов) из Польши, 1 из бывшей Чехословакии, 1 из бывшей Югославии. Отметим большое число "советских" авторов, работавших в атласе почти с самого начала.

Первоначальное решение — полностью довериться для достижения цели национальным учреждениям, от которых требовалось участие при наличии полной свободы и автономности, без навязывания правил, которые были минимальными при технической координации, сделало возможным осуществление проекта ЛАЕ несмотря на политическую ситуацию, в которой он находился в 60-е и 70-е годы. Благодаря такому выбору мы с самого начала пользовались моральным и финансовым покровительством ЮНЕСКО. По этой же причине структура ЛАЕ была по необходимости сложной, что иногда вызывало задержки в работе.

Площадь исследования ЛАЕ простирается от Атлантики до Уральского хребта, до реки Урал и до северных отрогов Кавказского хребта. Эти ориентиры чаще всего используются географами для определения границ Европы, и, как будет показано ниже, такой многоязычный проект, как ЛАЕ, может иметь только географические границы, если политические и языковые должны быть отброшены. С точки зрения лингвистики, главным следствием такого решения было включение в карты ЛАЕ большого числа очень интересных языков и диалектов бывшего СССР, в основном неизвестных или малоизвестных в Западной Европе. Эта географическая граница, естественно, разделяет некоторые языковые семьи, имеющие продолжение в Азии, например, уральскую, алтайскую, кавказскую. Языковые границы постоянно пересекаются заимствованными словами в обоих направлениях, и если бы мы взяли в качестве области исследования, например, межконтинентальную "Англосаксонию", пришлось бы проследить движение заимствованных слов, приходящих в ареал с соседних территорий, и в то же время учесть все английские заимствованные слова, необязательно те же самые, распространяющиеся из "Англосаксонии" на различные территории, граничащие с ней. Разумеется, лингвистическому атласу легче найти границы в рамках языковых границ, чем в пределах других, однако географическая граница не лучше и не хуже политической, и невозможность для ЛАЕ как политических, так и языковых границ не оставила нам лучшей альтернативы, чем "объективная" географическая. С лингвистической точки зрения, продолжение наших языковых семей за пределами географических границ поддерживается этимологической обработкой наших материалов, связывающей Европу не только с Азией, но и с Африкой.

Если вначале основной целью ЛАЕ было создание первого интерпретатив-

ного атласа целого европейского континента на базе лексического вопросника, то со временем и с приобретением опыта, в частности, благодаря внутренним противоречиям, послужившим импульсом для прояснения и решения проблем, эта цель стала точнее: с одной стороны, к традиционному понятию ономастической интерпретации добавилась возможность выбора или введения мотивационной интерпретации, с другой стороны, от авторов требуется составление комментария, который, по крайней мере, в тенденции должен быть эквивалентен по структуре и качеству "статье".

Большая сложность работы над ЛАЕ, замедляющая ее темпы, заключается не столько в новых редакционных и научных требованиях, сколько в его собственной природе. Действительно, речь идет о сложности, присущей объекту, поскольку он отражает непростую европейскую языковую ситуацию (с огромными издержками для авторов), так и о внешней для него сложности, зависящей от организационной структуры ЛАЕ.

Для оценки языкового ландшафта Европы достаточно вспомнить, что в ней представлены семь языковых семей: индоевропейская, уральская, тюркская, монгольская, семитская, кавказская, баскская. В эти семь семей входят следующие двадцать две языковые группы: абхазско-адыгская, албанская, арабская, армянская, балтийская, баскская, кельтская, прибалтийско-финская, германская, греческая, иранская, калмыцкая, лапландская, нахско-дагестанская, пермская, романская, самодская, славянская, тюркская, венгерская, волжская, цыганская.

Само собой разумеется, что помимо проблем сбора, исследования и представления столь разнородных материалов, их классификация и интерпретация, осуществляемая авторами, ставит совершенно новые и отнюдь не простые проблемы. И я говорю здесь не о мотивационной интерпретации на историко-культурном уровне, которая не отличается от интерпретации в любом историческом исследовании международного масштаба, а скорее о собственно лингвистической части (т.е. этимологической классификации и, следовательно, легенде, основе карты и каком-либо комментарии), вытекающей из общей установки какой-либо академической специализации.

Основным инструментом организационной структуры ЛАЕ, как и каждого атласа, является вопросник, содержащий вопросы для картографирования. Первый вопросник ЛАЕ изначально состоял из 546 вопросов, которые были результатом двойной сопоставительной работы: 1) всех национальных опубликованных атласов, сопоставленных между собой, и 2) этих же атласов, сопоставленных с вопросником Общеславянского лингвистического атласа, находившегося тогда в стадии подготовки. В дальнейшем число вопросов было сокращено примерно до 400, так как, часть вопросов оказалась нерелевантной для картографирования лексики. Впоследствии было принято решение сократить количество вопросов для картографирования примерно до 150 и остальные опубликовать как "сырые" материалы. Это последнее решение, принятое не без колебаний, диктовалось довольно длительными сроками производства.

Из организационной структуры ЛАЕ вытекает, что каждой стране был предоставлен свободный выбор определения национальной сетки населенных пунктов. Единственным постоянным принципом была фиксация максимальной частоты сетки — 1 населенный пункт на 2000 кв. км, максимума, которого каждая страна не была обязана достигать, но к которому могла в разной степени приближаться в соответствии со своей собственной диалектной дифференциацией. Сетка ЛАЕ насчитывает в настоящее время 2631 населенный пункт, представляющий разные диалекты. Ясно, что речь идет об огромной сетке (самой большой сетке из до сих пор опубликованных атласов), которая автоматически дает 2631 лексическую потенциально различную форму для каждого вопроса Вопросника.

Представляют интерес точные данные по составу каждой национальной сетки. При распределении 22 европейских групп языков, по мере уменьшения

числа пунктов сетки ЛАЕ получим следующее: романская 787 п., германская 779 п., славянская 328 п., финская 231 п., греческая 86 п., балтийская 78 п., тюркская 50 п., волжская 49 п., венгерская 46 п., пермская 44 п., кельтская 40 п., лапландская 34 п., нахско-дагестанская 26 п., албанская 15 п., абхазско-адыгская 12 п., баскская 9 п., цыганская 6 п., иранская 3 п., монгольская 3 п., самоедская 3 п., арабская 1 п. и армянская 1 п.

Полезно отметить, что первые две сетки, романская и германская, вместе составляют больше половины общего числа пунктов, в то время как первые четыре сетки, т.е. первые две с добавлением славянской и финской, достигают 4/5 от общего количества. Надо ли говорить, что эта статистика имеет относительную ценность, поскольку, как уже было сказано, частота каждой сетки устанавливалась на основе разных неоднотипных критериев и не может быть точно соотнесена со статистическими данными о населении, говорящем на этих языках. Однако, по мнению специалистов, это соотношение недалеко от действительности и отклонение, там, где оно заметно, во многих случаях отражает меньшую диалектную дифференциацию.

Основные различия сеток населенных пунктов проявляются в следующем: (1) Во Франции и Италии (во втором томе ЛАЕ) мы видим "открытую" сетку, которая является подразделением ареала на одинаковые квадраты, каждый из которых содержит, соответственно, все пункты сетки Лингвистического атласа Франции, французских региональных атласов и Лингвистического и этнографического атласа Италии и Южной Швейцарии, из которых французский и итальянский национальные комитеты избирают наиболее релевантные ответы на каждый вопрос. Этот метод позволил французскому комитету использовать не только материалы Лингвистического атласа Франции, но и материалы французских региональных атласов, частые сетки которых, видимо, невозможно воспроизвести на любой европейской карте приемлемого масштаба. Другие релевантные материалы каждого "квадрата" даются в списках "двойных" (т.е. дополнительных) ответов. (2) Дания также представляет скорее регионы, чем "пункты". (3) Нахско-дагестанский ареал на Кавказе выглядит примерно так, как это сделано французским комитетом, поскольку, учитывая большое число языков и диалектов в ограниченном ареале, было бы невозможно зафиксировать их все. Эти языки представлены в этом ареале настолько тесно, что было бы невозможно отметить их на карте именно там, где они расположены. Таким образом, эти пункты не совсем соответствуют своим настоящим координатам. (4) В Финляндии имеется двойная сетка: маленькая — 23 пункта для "простых" вопросов, где не следует ожидать разнообразия ответов, большая сетка (23+134 пункта) для "сложных" вопросов, которые могут предположить разнообразие ответов. Вторая частота сетки достигает размеров рекомендованного максимального уровня частоты. Тот же метод был принят для шведского языка в Финляндии. (5) Относительно низкая частота сетки в Польше, славянском ареале бывших СССР, Чехословакии и Югославии объясняется существующей диалектной дифференциацией. Их материалы были взяты из Общеславянского лингвистического атласа и, таким образом, соответствуют его сетке или ее модификации. Из славянских стран только одна Болгария построила свою сетку иначе, а именно — на основе Болгарского диалектного атласа. (6) Широкая пустая полоса от Крыма до реки Урал является следствием установки, принятой издателями Общеславянского лингвистического атласа, — не фиксировать русские диалекты, на которых не говорили в ареале до XVII в. (7) Подобный критерий был принят в Нидерландах для голландских польдеров, недавно отвоеванных у Северного моря и, следовательно, не включенных в сетку ЛАЕ. (8) В Греции, напротив, диалекты некоторых недавно иммигрировавших сообществ, учитывая их архаический характер, фиксируются. (9) Подобным образом ареалы в Польше, вновь заселенные после второй мировой войны, были включены в сетку ЛАЕ. (10) Шесть цыганских

пунктов, выбранных Международным Цыганским комитетом, размещены в правом нижнем углу бланковки, так как было бы невозможно обозначить их в их современных координатах. (11) Некоторое количество пунктов добавилось уже после начала публикации для Италии, более чем вдвое увеличившей сетку, а также для армянского, казахского, кельтских языков.

Четвертый том был последним томом, опубликованным в Нидерландах и Германии. Начиная с пятого тома публикация будет осуществляться в Италии. В первых четырех томах карты масштаба 1:10 000 000 напечатаны Институтом прикладной геодезии и картографии во Франкфурте-на-Майне с использованием четырех цветов для различения следующих уровней: I) политические границы (трех разных порядков, как в бывшем СССР, или только двух, как в большинстве других стран), столицы, большие реки и моря (серо-голубой цвет); II) горы выше 1000 м (желтый); III) количество пунктов сетки и код языковой принадлежности для каждого пункта (красный цвет); IV) символизация и текст интерпретирующей карты (черный цвет). Однако на карте-бланковке для облегчения чтения пункты сетки с их лингвистическими кодами выделены черным. Кроме того, был добавлен черно-белый вариант карты-бланковки, имеющий двойную функцию: I) для использования авторами в качестве рабочей карты; II) для использования читателями, если пункты интерпретирующей карты частично перекрыты символами.

В разных европейских странах использовались три основных метода сбора материалов, нередко в сочетании друг с другом: I. Новые полевые обследования, II. Опубликованные источники, III. Неопубликованные архивы.

Новые обследования для ЛАЕ были сделаны в следующих странах: в Албании для албанского, в Австрии для славянского, в Бельгии для нидерландского и валлонского, в Болгарии для болгарского, в Словакии для венгерского, в Финляндии (для большей части) для лапландского, во Франции для корсиканского, бретонского и баскского, в восточной части Германии (частично) для верхне- и нижненемецкого и лужицкого; в западной части Германии для верхне- и нижненемецкого и фризского; в Великобритании для английского, уэльского, шотландского и газльского; в Греции для греческого, в Венгрии для новых вопросов и для иноязычных пунктов, в Исландии для исландского, в Ирландии для ирландского и английского, в Нидерландах для нидерландского и фризского, в Норвегии для норвежского (дополненного опубликованными источниками) и для лапландского (обследование для финского проводилось Финляндией), в Португалии для португальского, в Румынии для румынского и для иноязычных пунктов, в Испании для испанского и каталанского, в Швеции и Норвегии для финского (обследования проводились Финляндией) и для лапландского, в Швейцарии для немецкого швейцарского, в Турции для европейского турецкого, в бывшем СССР для большей части латышских материалов, лапландского, карельского, вепсского, финского, ливского, частично для водского, для большей части ижорских материалов, мордовских языков, марийского, удмуртского, коми-пермяцкого (вместе с предыдущими обследованиями), коми-зырянского, ненецкого, венгерского, молдавского, осетинского, татского, адыгейского, абазинского, чеченского и ингушского, дагестанских языков, чувашского, чарачаево-балкарского, ногайского, башкирского, татарского (также с использованием предыдущих обследований и архивов), караимского, кумыкского, калмыцкого; в Югославии — для албанского, венгерского, итальянского и румынского; на Кипре для греческого, на Фарерских островах для фарерского и, наконец, шесть цыганских пунктов.

Этот обзор полевых обследований, выполненных для ЛАЕ, свидетельствует о масштабе вклада разных европейских стран, в особенности бывшего СССР. В нем отмечается также объем оригинальных и неопубликованных работ, которые входят в карты ЛАЕ, в публикацию "сырых" материалов и в архивы ЛАЕ, которые будут доступны для будущих исследований.

Архивы были использованы для датского, эстонского, частично для водского, для финского и шведских диалектов Финляндии (для финского были также собраны новые материалы путем рассылки вопросников), для двух финских диалектов в Швеции, для шведского, лапландского, латышского, литовского, норвежского, саксонских диалектов, славянских языков и диалектов (архивы Общеславянского лингвистического атласа).

ЛАЕ в противоположность подавляющему большинству национальных и региональных атласов, которые являются атласами "сырых" материалов, — интерпретативный атлас. Кроме того, начиная с первого тома, различались две возможные типологии интерпретации материалов: традиционная (ономастическая) и новаторская (мотивационная).

Во всех системах символов легенд используется десятичная система, и в ономастических картах максимум в три уровня: первый для этимологии, второй для основных вариантов в пределах единой этимологии, которые обычно являются морфологическими (дериваты, сложные слова и пр.), третья цифра для возможных нерегулярных фонетических вариантов (в виде исключения используемых также для морфологических вариантов низшего разряда и, во второй системе организации легенды, — для форм, принадлежащих разным языковым группам, независимо от их формального возможного сходства). Так, два символа, закодированных 1.1 и 2.1, будут представлять разные этимоны; два кода, например, 1.2. и 1.3, будут в стандартных случаях выражать внутреннее морфологическое различие в рамках группы родственных форм, и два кода, таких как 1.2.3 и 1.2.4, обычно будут представлять этимологически и морфологически связанные формы, дифференцированные на каком-то другом уровне.

В названии *Atlas Linguarum Europae* использована латынь. Язык "обрамления" публикаций (фронтиспис, заглавия, легенды) — французский, а комментарии к картам написаны на основных международных языках: английском, французском, немецком.

ЛАЕ насчитывает сегодня (после слияния двух немецких национальных комитетов и с добавлением комитетов трех балтийских стран) 43 национальных комитета, по одному в каждой европейской стране, разделенных и не разделенных на большее количество единиц, представляющих различные языковые компоненты стран со сложной языковой структурой (Бельгия, Югославия, СНГ и др.). Целью этих национальных комитетов являются 1) организация сбора данных на национальной территории и 2) их первичная интерпретация в той форме, которая называется "национальный этимологический синтез". Национальный этимологический синтез представляет собой совокупность этимологических типов, представленных на данной территории по каждому пункту Вопросника.

Национальные комитеты, принадлежащие к одной и той же языковой группе, образуют департаменты, шесть из которых имеют автономную структуру: кельтский, германский, романский, балтийский, славянский и уральский. Другие языковые группы, которые не смогли организовать в собственные автономные объединения, были распределены по двум особым департаментам, один из которых ("другие языки на Западе"). — в Западной Европе (для албанского, баскского, греческого, мальтийского, цыганского) и другой ("другие языки на Востоке Европы") — в Восточной Европе (для армянского, кавказских, иранских, одного монгольского и тюркских). Каждый департамент или языковая группа внутри него перерабатывает этимологические синтезы, составленные национальными комитетами, группируя их в более обширные департаментские синтезы. Переработка предполагает не только этимологии более глубокого уровня, но также и выдвижение проблем, толкования, библиографические справки, отсылки и, насколько возможно, информацию, которая может быть полезна для последующей работы.

Совокупность департаментских синтезов по вопросам передается автору карты. В задачу автора входит составление окончательного общеевропейского синтеза материалов, который состоит из трех частей: 1) инструкции для компьютерного картографирования, 2) легенды карты (или карт) и 3) комментария к карте. Инструкции для картографирования и легенды поступают в издательство, где делаются рабочие карты и пробные легенды. Рабочие карты посылаются авторам для контроля и возможных изменений. Когда автор считает, что он завершил работу над картой и легендой, последние вместе с комментарием распределяются для рецензирования между членами двух комитетов: индоевропейской комиссии, состоящей из ученых с мировым именем (председатель — В. Винтер, заместитель председателя — М. Майрхофер, члены — Т. Гамкрелидзе, Э. Хэмп, Й. Койвулехто, Ф. Кортландт, Э. Поломэ), для оценки обработки материалов индоевропейских языков, а также комитета рецензентов, состоящего из президента ЛАЕ, председателей департаментов и по крайней мере одного специалиста по каждому европейскому языковому ареалу, избираемого обычно внутри структур ЛАЕ. Функцией членов комитета является проверка работы автора в рамках их собственной компетенции. Замечания обоих комитетов доводятся до сведения автора, который учитывает их в тексте комментария и в карте. Окончательный вариант работы передается в Руководящий совет ЛАЕ.

Редколлегия, являющаяся основным органом ЛАЕ, созывается один раз в год и включает по крайней мере одного представителя каждой европейской нации. В настоящее время она состоит из более чем сорока членов. Цель Редколлегии — следить за работой в ее основных контурах и принимать решения, необходимые для осуществления проекта. Редколлегия делегирует руководство проектом Руководящему совету, который состоит из президента ЛАЕ, председателей департаментов и руководителей двух секретариатов. Окончательные решения, касается ли это публикаций или организационных проблем, представляются Руководящим советом для утверждения в Редколлегию.

Исторически, ЛАЕ является результатом слияния трех независимых проектов, возникших в 60-е годы у трех ученых из разных стран: проф. А. Вейнена из Нидерландов, проф. Л.-Э. Шмитта из Германии и автора этих строк из Италии. После слияния трех проектов и присоединения к проекту Общеславянского лингвистического атласа первое официальное совещание ЛАЕ состоялось в Нидерландах в 1970 г. С тех пор ЛАЕ провел множество совещаний в разных европейских странах. Перечислим только заседания Редколлегии, пленарные заседания и заседания Руководящего совета в хронологическом порядке: Неймеген 1970, Кельн 1970, Неймеген 1971, Прага 1972, Неймеген 1972, Неймеген 1973, Бухарест 1974, Марбург 1975, Страсбург 1976, Варшава 1977, Марбург 1978, Москва 1979, Амстердам 1980, Бардонеккья 1981, Копенгаген 1982, Лейпциг 1983, Оссуа 1984, Белград 1985, Эдинбург 1986, Печ 1986, Москва 1987, Гренобль 1987, Балатон-Шабади 1988, Турку 1988, Сен-Венсен (Аоста) 1989, Шелльхорн 1989, Москва 1990, Брест 1990, Варшава 1991, Флоренция 1991, Уппсала 1992, Гленкольмкилль 1992.

История ЛАЕ условно делится на два периода: первый — голландско-немецкий и второй, начавшийся в 1992 г. — итало-немецкий. Президентом ЛАЕ с 1970 по 1982 г. был А. Вейнен. Благодаря неутомимой деятельности А. Вейнена, настоящего "посла" ЛАЕ, проект был организован и запущен в ход.

Если география является одной из самых элементарных форм человеческого познания и зародилась как таковая с началом письменной истории, а возможно, и раньше, то лингвистическая география, хотя и отвечает столь же элементарной потребности знать, на каком языке говорят вокруг нас, появилась лишь в прошлом веке. Для объяснения этого огромного хронологического знания необходимо учитывать, что к чисто географическому и территориальному измерению лингвистическая география, родившаяся в XIX в., должна была

добавить специфически социальное измерение. Действительно, лингвистическая география не могла ориентироваться на социальные предрассудки, поскольку задавалась целью открыть и тщательно описать языковой пейзаж данной территории. Так, можно даже сказать, что лингвистическая география в конце концов поставила в привилегированное положение носителей речи из тех социальных групп, которые в прошлом веке (а фактически до недавнего времени) считались "низшими" именно потому, что интересовалась языковыми фактами прежде всего там, где менее всего присутствовал стандартный язык. Чтобы лучше оценить эту сторону дела, было бы, наверное, целесообразно вспомнить, что Варрон, известный своими трактатами по грамматике и сельскому хозяйству, разделил сельскохозяйственные орудия на два класса — "немых" (т.е. орудий и животных) и "говорящих", т.е. рабов. Нет необходимости объяснять, почему при подобном взгляде на вещи не могла зародиться лингвистическая география. Тогда не случайно, и даже, возможно, действительно символично, что основоположником лингвистической географии стал Люсьен Бонапарт, правнук французской революции, как это справедливо утверждалось на недавнем симпозиуме (Бильбао, 21—25 октября 1991 г.), посвященном переоценке его роли как главного предшественника диалектологических исследований в международном масштабе.

К осуществлению ЛАЕ нас побудило не только и столько чувство племенной или национальной принадлежности, но ощущение универсальности человека, потребность вскрыть его более глубокую идентичность при сопоставлении со всеми общностями — будь они племенными, региональными или национальными, идентичность, которая не отвергает различий, а напротив, признает их, не отрицая наряду с ними черт глубокого сходства.

Выбор общеевропейской перспективы для вскрытия этой идентичности не был произвольным или оригинальным, что подтверждается соображениями иного, более технического, порядка. Если классифицировать все до сих пор изданные лингвистические атласы по их ареалам, начиная с Лингвистического атласа Франции Жильерона 1903 г., можно получить четыре типа атласов от самого мелкого до самого крупного: 1) региональные, 2) национальные, 3) атласы группы языков, 4) континентальные атласы. Еще не существуют атласы целой языковой семьи (индоевропейской, уральской, семитской и т.д.), ни, тем более, лингвистический атлас мира. Теперь, следуя путем лингвогеографии в ее историческом развитии, мы видим противоречивость этого движения: оно началось с национальных атласов, и только после этого появилась необходимость вернуться к масштабу региона для углубления знаний, полученных с помощью предшествовавших атласов. Не случайно, что за исключением Общеславянского лингвистического атласа, задуманного раньше ЛАЕ, Романский лингвистический атлас, Кельтский и Финский атласы являются ответвлениями ЛАЕ, родившимися в недрах нашего проекта.

Имеется еще один аспект классификации разных типов атласов, связанный с критериями определения границ различных ареалов. Границами национальных атласов являются политические границы, что подразумевает искусственное прекращение описания диалектов, которые, как это имеет место в большинстве случаев, продолжают за их пределами. В атласах языковой группы, таких, как Общеславянский лингвистический атлас и Романский лингвистический атлас, которые родились именно из необходимости исследовать языки и диалекты независимо от политических границ и восстановить картину, разбитую на куски национальными атласами, границы являются языковыми, а не политическими. Не случайно Г. Рольфе [8] в карты, посвященные Романии, часто включал данные, относящиеся к соседним странам — Греции, Албании, Германии, славянскому ареалу и т.д. Какими должны быть границы в атласах большего масштаба, поколения ЛАЕ и Лингвистического атласа Средиземноморья? Разумеется, ни политическими, ни лингвистическими, так как не су-

существует политических границ, совпадающих с языковыми семьями, а границы языковых семей распространяются на несколько континентов. Отсюда диалектическое решение относительно географических пределов Европы для ЛАЕ, Средиземноморской зоны для Лингвистического атласа Средиземноморья.

Лингвистические атласы могут быть также классифицированы на основе их методологической типологии т.е. их целей. С этой точки зрения различаются два больших класса атласов: 1) атласы "сырых" материалов (преобладающее большинство) и 2) интерпретирующие атласы.

Интерпретация данных не является во всяком случае автоматической. Часто она происходит на другом этапе, этапе сбора еще до интерпретации уже поступивших материалов. Многие диалектологи сегодня считают, что диалектология продолжает слишком много заниматься сбором новых материалов и своими методами и слишком мало интерпретацией уже собранных материалов. В науке всегда есть тенденция оттягивать момент интерпретации и сосредоточиваться на описательных и классифицирующих процедурах. Однако история лингвогеографии ясно показывает четкую интерпретирующую линию, которая проявляется одновременно как в первых национальных атласах, так и в монографиях, особенно в 30-е годы: плодотворное направление исследования, названное одним из его первых поборников Цаунером ономаσιологией, т.е. сопоставительным исследованием разных принципов номинации при обозначении одного и того же референта в лингвистически гомогенном ареале. Следует напомнить, что уже в 1952 г. Куадри мог перечислить тысячи названий ономаσιологических трудов только для романских и германских ареалов. На данном этапе следовало бы включить ЛАЕ в качестве лексического проекта в это направление ономаσιологических исследований на правах важного развития последнего.

Здесь невозможно упомянуть все большие заслуги ономаσιологии не только перед историей и лингвогеографией, но и прежде всего перед историей культуры. Возможно, существует еще лишь одно направление исследований, имеющее такие же большие заслуги в плане связи языка и культуры, — движение, родившееся в Германии и называемое *Wörter und Sachen*, отражавшее значение материальной культуры для лингвистических исследований и для истории самой культуры в целом.

Значение ономаσιологии для истории культуры нелегко иллюстрировать примерами. По этому случаю я избрал в свое время пример с обозначениями дней недели. При сопоставлении названий дней недели в разных европейских языках действительно можно обнаружить, что в них окаменела целая глава европейской истории и, в частности, в ее идеологических и религиозных контрастах: языческим божествам латинского ареала [Луна в *lundi* (понедельник), Марс в *mardi* (вторник), Меркурий в *mercredi* (среда), Юпитер в *jeudi* (четверг), Венера в *vendredi* (пятница)] противопоставляются языческие божества германского ареала [*Tiw* в *Tuesday* (вторник), *Woden* в *Wednesday* (среда), *Thuner* в *Thursday* (четверг), *Frig* в *Friday* (пятница)]; субботе, понимаемой как день языческого бога Сатурна (*Saturday*), противопоставляется суббота христианская (*sabato, samedi*), воскресенью как дню, посвященному языческому Солнцу (*Sunday*), противопоставляется день, принадлежащий христианскому богу (*domenica, dimanche*).

В свете карт ЛАЕ я бы добавил теперь другой пример — названия радуги, которые показывают не только это двоякое противопоставление между языческими божествами разных европейских ареалов, с одной стороны, и между языческими и христианскими божествами, с другой. Карта "радуга" показывает также третий пласт, как мне кажется, более древний, чем языческий антропоморфный, возможно, тотемного происхождения, т.е. зооморфный, в котором радуга рассматривается как гигантское животное, пьющее воду из земли и моря, чтобы воспроизвести ее в форме дождя: мифическое представление,

которое поныне проявляется в европейских фольклорных верованиях и которое засвидетельствовано уже у Плавта [9].

Действительно, одно из чудес человеческого языка заключается в том, что наши слова могут использоваться в повседневной речи "функционально", т.е. без какого-либо иного значения, кроме коммуникационного, как разменная монета, будучи в то же время и антикварной бесценной монетой. Не желая обесценивать функциональное исследование языка как средства коммуникации, на котором концентрируется сегодня такая большая часть лингвистических штудий, надо сказать, что другая сторона медали, антикварная и историко-культурная, при строгом современном изучении не менее любопытна. Я надеюсь, что ЛАЕ послужит пробуждению интереса к этому типу разысканий среди молодых лингвистов.

Самое большое новшество, введенное ЛАЕ, это, по моему мнению, так называемые мотивационные карты, которые ЛАЕ теоретически эксплицитно ввел в обиход лингвогеографии. Вспомним, что этимологическая интерпретация лексических карт всегда мыслилась как "ономасиология". В ней исходным пунктом является форма, конечным — этимология, и на ней останавливаются при картографировании, обычно посредством символов, достигнутого этимологического уровня. Наряду с ономасиологией лингвогеография располагает также семасиологией, гораздо менее практикуемой формой картографирования, но не менее интересной, при которой исходят из формы, чтобы прийти к значению¹. Третья картографическая операция с лексикой может исходить из третьего компонента слова, т.е. мотивации². По причинам теоретического характера, в которые не хотелось бы вдаваться из-за недостатка времени, исследование мотиваций не дает больших результатов в рамках одной языковой группы. Возможно, именно поэтому мотивация не привлекала внимания лингвогеографов до появления ЛАЕ. Кроме того, с теоретической точки зрения, мотивацию обычно смешивают со значением слов и, таким образом, с семантикой, что также повредило признанию важности этого понятия³. Однако исследование мотивации становится чрезвычайно продуктивным, как только сопоставляются разные языковые группы, что именно и имеет место в ЛАЕ. Для иллюстрации обратимся к этому новому методу и двум первым примерам, которые открыли серию мотивационных карт ЛАЕ, т.е. примерам с названиями кузнечика (Аванесов, Иванов, Донадзе [16]) и с названиями радуги (Алинеи [17]). Нужно также упомянуть среди опытов того же типа работу по обозначениям ласки (Алинеи [18]) и божьей коровки (Баррос-Феррейра, Алинеи [19]).

Прежде всего следует помнить, что в рамках ЛАЕ идея картографирования скорее мотиваций, чем формальных этимологий, одновременно и независимо пришла к Аванесову в СССР и к автору этих строк в Нидерландах. Сама по себе эта идея не нова. Финский антрополог М. Кууси, например, уже в 1956 г. картографировал мотивации названий "грибного дождя" во всем мире, составив много чрезвычайно интересных карт [20]. Нетрудно найти и более отдаленные прецеденты. Заслугой ЛАЕ является систематизация соответствующей теории и введение практики мотивационной картографии. Однако первые две мотивационные карты ЛАЕ были различны. Аванесов—Иванов—Донадзе предпочли ограничиться классификационной и описательной группировкой, не давая объяснений и историко-культурного фона разных мотиваций. Впрочем, к этому их, разумеется, подтолкнула слабая мотивационная типология, которая обнару-

¹ Семасиология как отрасль лингвогеографии проявлялась очень мало после блестящего представления Яберга [10] пришлось ждать работ автора статьи [11--13], которые, однако, мало вдохновили последующие исследования.

² Отсылаю к моим исследованиям по теории мотивации [14, 15].

³ Даже то определение мотивационной картографии, которое я дал во Введении в ЛАЕ I. 1 [9], несколько грешит смещением значения и мотивации.

живается в названиях кузнечика в европейских диалектах, и недостаточная ясность связи между кузнечиком и наиболее прозрачными мотивациями его обозначений. Автор этих строк, напротив, столкнулся с гораздо более явным по своему "магически-религиозному" характеру явлением и с огромным числом мифологических мотиваций типа "божья дуга", "дуга Аллаха", "пояс ведьмы" и "зуб дракона". Кроме того, более интересный аспект, который делал историко-культурную интерпретацию почти обязательной, был двойным. Прежде всего, это явный контраст между "христианскими" и "мусульманскими" представлениями, т.е. навешанными историческими религиями, и "языческими" интерпретациями, навешанными доисторическими религиями. Во-вторых, это частота и явный характер зооморфных метафор радуги, которая в разных европейских ареалах может представлять как дельфин, дракон, корова, хобот, червь и т.д. Таким образом, казалось очевидным, что эти зооморфные представления о радуге предшествовали упомянутым антропоморфным, что позволило рассматривать их тотемное происхождение в рамках современной научной теории развития религий от зооморфного и тотемного представления, характерного для обществ архаического типа, к антропоморфному социально стратифицированного общества. Из этой картины, и независимо от высказанной мной гипотезы в любом случае вырисовывается широкая панорама европейской мифологии, обнаруживающая три слоя: более поздний христианский и мусульманский, предшествовавший ему языческий антропоморфный и, вероятно, самый древний, зооморфный. По-видимому, все европейские народы, разумеется, по-разному и с неодинаковыми результатами, принимали участие в этом развитии.

Такой результат кажется особенно интересным, поскольку вне ЛАЕ он не смог бы проявиться. Новая методология действительно позволила проигнорировать формальные различия между языками, чтобы сконцентрироваться на сходствах или идентичности идеологических и культурных представлений, способствуя экспликации и исследованию мотивационного метаязыка, общего для всех языков мира. Таким образом, родились новый тип сопоставительного языкознания, основанного на специфическом мотивационном уровне, и метод, особенно продуктивный для междисциплинарных исследований в тесной связи с культурной антропологией, этнологией, историей религий, исследованиями доисторической эпохи, археологией. Кроме того, мне казалось, что эта теория и методология могли бы с успехом применяться к другим ареалам мира и даже ко всему миру.

Другой аспект, достойный упоминания, это значение, которое может иметь ЛАЕ для исследования происхождения языков Европы и для сдвига назад лингвистических датировок.

Прежде всего полезно напомнить, что к необходимости поиска собственной идентичности почти всегда присоединяется необходимость исследования собственных корней. Достигнув европейских рамок, нельзя не задавать себе фундаментальных вопросов: почему Европа такая, как она есть? В какую эпоху и при каких обстоятельствах сформировалось это необыкновенное смешение народов и языков, характеризующее наш континент? Это вопросы, на которые пытались ответить многие поколения ученых. Но в наше революционное время широко осуществляется новаторское исследование, которое затрагивает прежде всего археологию, лингвистику, генетику и антропологию, нередко в междисциплинарных проектах, и не прекращается появление новых теорий и новых гипотез.

В лингвистике появились такие новые теории происхождения европейских народов и индоевропейских языков, как теория английского археолога С. Ренфрю, генетика К. Сфорца и советских лингвистов Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова. (Гамкрелидзе, один из авторов известной теории, входит в состав нашей редколлегии.) В уралистике гипотезы о формировании народов Северной Европы, занимающих важное место в этническом и языковом ландшафте нашего континента, выдвинули археологи. Эти новые теории, которых

придерживается большинство специалистов по уральским языкам, видят появление уральских народов в местах их нынешнего проживания уже в самой глубокой предыстории

На мой взгляд, ЛАЕ также участвует в этом движении, предлагая как новые точки зрения, так и новые методы работы. Упомяну о международном проекте, организованном генетиками, которые сейчас активно занимаются поисками европейских и мировых корней. Цель этого проекта в том, чтобы посредством компьютерных программ и данных ЛАЕ, а также программ, связанных с группами крови и ДНК для всей Европы, выявить некоторые неслучайные корреляции.

Касаясь проблемы датировок и особенно необходимости их сдвига назад, хотелось бы, исходя из моей романской специализации, привести два примера того, как ЛАЕ может служить этой цели.

Первый интересный пример — это пример мотивации радуги как пьющего существа [17, 21]. Представление о радуге как о пьющем существе, которое выкачивает воду из моря и земли, чтобы воспроизвести ее в форме дождя, известно во всей Европе. В славянских странах оно так укоренилось, что в различных славянских языках вместо выражения "пьет как губка" имеется полностью аналогичное "пьет как радуга". Теперь достоверно известно, что указанное осмысление радуги является древним. Это доказывают также некоторые свидетельства из латинской литературы, среди которых самое известное — свидетельство Плавта, в отрывке из "Circulio", где персонаж говорит: "bibit arcus", т.е. "радуга пьет". Но романист, у которого не было бы иной документации, кроме нескольких романских диалектных названий радуги как обозначений пьющего существа, и приведенной выше цитаты из Плавта, сможет сделать только одно — и в этом нельзя будет его упрекнуть, — увидеть в диалектных названиях радуги как пьющего существа наследие латинской культуры. Если, напротив, с появлением ЛАЕ диалектный горизонт расширяется до пределов Европы и констатируется, что во всей Европе представление о пьющей радуге чрезвычайно распространено, то мы будем видеть вещи в ином свете. Первым следствием огромной важности является то, что латынь уже не корень дерева, а лишь одна из его ветвей. Второе следствие, возможно, еще более важное: как учит нас сравнительная мифология, мотивация радуги, которая пьет, в действительности является лишь свернутой формой определенного метафорического осмысления мира, полная форма которого — это радуга как гигантское животное, которое на самом деле пьет и производит дождь. Итак, оказывается, что не только радуга как пьющее существо сводится к примитивному видению атмосферных явлений и природы, но и само зооморфное представление о радуге, о котором мы говорили выше, также может быть связано с этим мифом. Поэтому сама концепция Плавта, что парадоксально, в гораздо большей степени выглядит скорее как поздний рефлекс этой примитивной мифологии, профильтрованный рационализирующей культурой господствующих римских кругов, чем архетип, которым оно представляется нам в свете одних только романских данных. Обусловленное появлением ЛАЕ расширение лингвистического горизонта содержит, таким образом, сдвиг датировки назад и углубление интерпретации.

Второй, более сложный пример связан с названиями ласки по именам родства, весьма многочисленными в Южной Европе, включая романский ареал. Более того, в истории разработки романских обозначений ласки прошли чередой некоторые крупнейшие романисты, и тем более интересно реконструировать его основные этапы [Алинеи [18]]. Остановлюсь вначале на испанском и окситанском названиях ласки — *comadreja* и *comairela* (это название встречается также в некоторых центральных и южных итальянских диалектах — в форме типа "кумушка", — но исследование было сосредоточено на франко-иберийском ареале). Уже Р. Менендес Пидаль отметил, что ареал *comadreja* и *comairela*

делится на две части другим испанским названием ласки, также очень интересным, — *paniguera* "хлеб и сыр". В своей безупречной ареальной интерпретации испанский романист показал, что ареал типа "кума" должен быть древнее ареала "хлеб и сыр", учитывая, что первый ареал внедряется во второй и его разделяет [22]. Итак, относительная хронология ясна. Проблемы начинаются, когда речь заходит об абсолютной датировке. Если тип "хлеб и сыр" более поздний, чем "кума", к какому времени восходит первый и к какому времени второй? Менендес Пидаль об этом не говорит. К счастью, нам помогает изучение типа "хлеб и сыр", история которого все разъясняет. Во-первых, такие известные лингвисты, как Г. Шухардт и Л. Шпитцер, интерпретировали "хлеб и сыр" как простую метафору, основанную на белом и коричневом цвете ласки. Менендес Пидаль также не отходит от этого объяснения. Решающий шаг вперед был сделан Г. Рольфсом, который открыл, что "хлеб и сыр" — это также название больших и маленьких животных, цвета которых сильно отличаются от цветов ласки. Г. Рольфс, кроме того, обнаруживает, что "хлеб и сыр" — это один из многочисленных даров, которые дети преподносят ласке и другим животным, чтобы добиться их приязни или попросить об услуге с помощью некоторых типичных рифмованных строк. Наконец, Бамбек выясняет, что непосредственно в ареале названия, в Галисии, епископ Браги Мартин в VI в. нашей эры порицал крестьян своего времени, упорно преподносивших дары, среди которых присутствовал также хлеб, животным и насекомым. Итак, адекватно интерпретированное в свете антропологической документации название ласки — "хлеб и сыр", и вот строгий *terminus ante quem* — VI век н.э. и, действительно, его датировка в дохристианскую эпоху. Но если дела обстоят таким образом, к какой эпохе восходит тип "кума", который, как мы видели, согласно Менендесу Пидалью, должен быть еще более древним? Романистика не ставит подобных проблем, возможно, потому, что не любит сталкиваться со всем тем, что нарушает стереотипную картину развития романских языков и диалектов в средние века. Действительно, такой лексический тип, как "кума", еще и сегодня можно было бы рассматривать как "шутливый" и, следовательно, совсем недавний, в противоположность выводам, к которым уже пришел Менендес Пидаль. Напротив, становится очевидным, что дает и к каким выводам позволяет нам прийти эта общеевропейская карта. Во всей Южной Европе ласка носит названия родственников: в португальском она называется *porinha* (уменьшительное от "невестка"), в Галисии, Испании, Южной Франции и южно-центральной Италии, как мы видели, "кумушка", в албанском *nuse* и варианты, т.е. "новобрачная, самая молодая невестка", в греческом *nifitza* "новобрачная", в центральных итальянских диалектах *zitola* от *zita* "супруга, новобрачная; девушка на выданье", в болгарском, македонском, сербохорватском, украинском и отсюда в румынском *nevestica* и варианты, в болгарском также *bulka* "новобрачная", в турецком и гагаузском диалектные дериваты от *gelin* "новобрачная" и "невестка", в венгерском *menyét* и варианты "невестка". Кроме того, подобные типы встречаются не только в Дании и Германии, но даже и в Северной Африке — в арабском и берберском ареалах. Действительно, речь идет о непрерывной мотивационной изоглоссе: от Атлантики до Средиземного и Черного морей, которая включает также южный берег Средиземного моря, часть центральной и северо-центральной Европы и часть Малой Азии. Что значит для нашей проблемы абсолютной датировки ареал распространения такого масштаба? Разумеется, речь не может идти о недавнем распространении, учитывая, что этот ареал включает полностью независимые языковые семьи, т.е. индоевропейскую, тюркскую, уральскую, семито-хамитскую. Разумеется, древняя датировка, уже предложенная Менендесом Пидальем для типа "кума", должна распространяться на все другие родственные типы. Действительно, если в классической мифологии мы встречаем различные антропоморфные мифы о ласке, распространенные более всего в греческом мире, в народной мифологии о ласке

находим многочисленные свидетельства ее европейского распространения и ее архаического характера⁴. Однако для проблемы датировки решающими оказываются факты венгерского языка. Венгерское название ласки — *menyét*, как мы видели, исходно обозначает "невестку". Но старое венгерское название ласки было *hölgy, helgy*, которое в современном венгерском стало обозначать "самую молодую невестку, замужнюю женщину". Это исконное *holgy* входит, однако, в группу венгерских антропонимов, в основном тюркского происхождения, которые тюркскими антропологами единодушно считаются очень древними, действительно тотемного происхождения [24, 25] речь идет о таких именах, как например, *Karila* "орел", *Torontól* "сокол", *Kaplan* "тигр", *Kurd* "волк", *Arszlan* "лев", *Farkas* "волк", *Karoldu* "черная ласка", *Saroldu* "белая ласка", *Nyesta* или *Nyeste* "куница-белодушка", *Holgy-astzony* "самка горноста́я" и мн. др. Почему реальна тотемная интерпретация этих антропонимов? По двум причинам: прежде всего потому, что к такой интерпретации неизбежно подводит самая старая венгерская хроника, хроника так называемого Анонима, которая касается происхождения семьи Арпада, легендарного венгерского героя — основоположника государства, который привел венгерские племена в бассейн Дуная и Тиссы [24]. Хроника рассказывает, как *turul*, мифический орел древних венгров, овладел бабушкой Арпада Эмеше (от тур. *eme* "мать, самка животного") в то время, как она спала. Плодом этого союза был Алмош, отец Арпада. Кроме того, ввиду тюркского происхождения многих из этих венгерских антропонимов, венгерским ученым приходится относить их к периоду контактов венгерского этноса с алтайскими народами. Итак, в данном большом ареале названий ласки по типу родства у нас есть две устойчивые опоры для абсолютной датировки — романский и венгерский тип. Эту датировку как род перекрестной датировки можно распространить на весь ареал.

Таким образом, и в этом случае благодаря данным ЛАЕ можно представить себе гораздо более древние, чем традиционно принятые, хронологические рамки явления, к тому же — для всей совокупности европейских языков.

С другой стороны, когда были опубликованы и изучены первые тома карт ЛАЕ, то, что на первый взгляд могло показаться произвольной мозаикой говоров без взаимосвязей, при последующем анализе предстает перед нами как связанное целое. Это не только результат применения к данным ЛАЕ классической теории языкового родства, ностратической теории и современных теорий языковых союзов или типологии и языковых универсалий. Это, скорее, результат структурной эпистемологии, кратко изложенной в знаменитой максиме Ф. де Соссюра: "dans une structure tout se tient", т.е. в структуре каждый элемент определяет другие элементы. Если что-то касается одного из элементов, касается и всего целого. В нашем случае каждый из европейских языков отличался бы от того языка, которым он является, если бы та или другая из языковых групп, существующих в Европе, здесь отсутствовала бы или была расположена в ином месте. Возможно, это самый строгий способ оценки роли ЛАЕ в его наиболее глубоком лингвогеографическом значении.

Наконец, следовало бы упомянуть о последней важной особенности ЛАЕ — как плоде международного сотрудничества. Родившись еще в 60-е годы, когда Европа была жестко разделена на два противостоящих блока, ЛАЕ всегда являлся моделью общеевропейского сотрудничества. Не думаю, чтобы в области гуманитарных наук существовали или существуют другие проекты, которые могут похвалиться таким впечатляющим результатом. В связи с этим полезно отметить, что из опыта сотрудничества и дружбы, развившихся в атмосфере ЛАЕ, родилось также желание дать жизнь международной ассоциации

⁴ Народная мифология ласки глубоко изучалась прежде всего для финского ареала антропологом М. Хако [23]. В финской мифологии ласка несет космогонические и прародительские функции, типичные для тотемной мифологии.

диалектологии и лингвогеографии (SIDG с местопребыванием в настоящее время во Флоренции), в которую входят теперь сотни членов со всего мира

С 1992 г. в университете г. Бамберга (Германия) располагается Центральный секретариат проекта под руководством проф. В. Фирека, вице-президента ЛАЕ, при этом во Флоренции остается редакционно-издательский секретариат, возглавляемый Д. Джакомелли

Контракт с римским издательством "Полиграфико" предусматривает публикацию остальных восьми томов после четвертого (последнего, вышедшего в Нидерландах) а также публикацию нового вступительного тома и инвентаря символов в качестве внутренней публикации. Пятый том находится в настоящее время в продвинутой стадии подготовки ко многим комментариям сделаны первые рабочие карты. Скорее всего он будет состоять из следующих карт и комментариев: М. Алини "Рождество" (1 мотивационная карта), М. Баррос-Феррейра "светлячок" (3 мотивационных карты), М. Контини "бабочка" (4 мотивационных карты), Н. Контоссопулос "гречиха" (1 ономазиологическая карта), Н. Донадзе "А. Васильева" "черника" (1 мотивационно ономазиологическая карта), А. Дыбо "орешник" (1 ономазиологическая карта), Э. Франкони "кукуруза" (1 ономазиологическая карта), Б. Кальман "собака" (1 ономазиологическая карта), Н. Сараманду "подсолнух" (1 мотивационная карта)

Новый вводный том ЛАЕ будет состоять из 1) общего введения в проект в его современном виде 2) описания 24 языковых групп Европы, которые будут составлены пятью председателями основных департаментов ЛАЕ (кельтского, германского, романского, славянского, уральского) и ответственными за языковые группы не соответствующие департаментам (албанская, армянская, балтийская, баскская, кавказская, греческая, иранская, мальтийская, монгольская, тюркская, цыганская) 3) иллюстрации перспектив, которые открывает Второй вопросник

Оригинальные и неопубликованные материалы ЛАЕ будут изданы в форме микрофиш специализированным голландским издательством, с которым уже подписан контракт. Публикация предусматривает вначале группировку материалов по языковым группам и по европейским странам, затем, к окончанию проекта, по вопросам Вопросника. Публикация оригинальных материалов, хотя и неполноценная из-за их разнородности (в основном вызванной неадекватной постановкой проблемы в подготовительный период ЛАЕ), будет иметь большое значение, так как позволит научному миру получить доступ ко всем материалам и таким образом дать возможность верификации уже опубликованных интерпретаций неизданных

Второй вопросник предусматривает проведение по всей Европе новых обследований фонетического, фонологического, морфологического, синтаксического, семантического и лексического характера. В то время как первый вопросник — исключительно лексический — зависел от сопоставления уже существующих вопросников, второй является полностью инновационным. Обследования на основе нового вопросника уже проводились на большей части территории бывшего СССР. Результаты были представлены на нескольких семинарах и ждут своей публикации

Ясно, что новые обследования по всей Европе в настоящий момент трудно планировать, но как только политическая ситуация позволит сокращение количества вопросов и пунктов сетки и использование уже существующих материалов смогут сделать это предприятие осуществимым

Таким образом ЛАЕ одновременно представляет собой как первое воплощение в жизнь, хотя и с ограниченным вопросником, до сих пор не существовавших региональных или национальных атласов (Албания, Греция, Кавказ, тюркские и уральские ареалы бывшего СССР и т.д.), так и реализацию первого этапа не существовавших до сегодняшнего дня, за исключением Общеславянского лингвистического атласа, атласов языковых групп. Перед нами

новый метод интерпретативной картографии мотивационного типа, имеющий особое значение для сравнительного исследования истории культуры ЛАЕ представляет еще один инструмент разработки проблемы происхождения европейских языков, а также источник вдохновения для подобных проектов, будь они атласами континентов, языковых семей, языковых групп. Наконец, наш проект являет собой зрелую форму международного сотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Atlas Linguarum Europae Introduction Assen 1975
- 2 Atlas Linguarum Europae Premier Questionnaire Assen 1976
- 3 Atlas Linguarum Europae Second Questionnaire Assen 1976
- 4 Atlas Linguarum Europae I 1 Cartes et Commentaires Assen 1983
- 5 Atlas Linguarum Europae I 2 Cartes et Commentaires Assen Maastricht 1986
- 6 Atlas Linguarum Europae I 3 Cartes et Commentaires Assen Maastricht 1988
- 7 Atlas Linguarum Europae I 4 Cartes et Commentaires Assen Maastricht 1990
- 8 Rohlf G. Romanische Sprachgeographie Geschichte und Grundlagen Aspekte und Probleme mit dem Versuch eines Sprachatlas der romanischen Sprachen München 1971
- 9 Ahne M. Introduction // Atlas Linguarum Europae I 1 Assen 1983 P. XV—XXXIX
- 10 Jaberg K. Aspects géographiques du langage P. 1936
- 11 Ahne M. Evaluation of semantic isoglosses with regard to Romance dialects // Verhandlungen des zweiten internationalen Dialektologenkongresses Marburg 1965
- 12 Ahne M. La norma della densità semantica nella geografia linguistica // Actele celui de al XII-lea congres internațional de lingvistică și filologie romanică București 1968 București P. 263—265
- 13 Ahne M. Semantic density in linguistic geography a study of some Romance words related to the wheel // Weipert A. Ahne M. The wheel in the Atlas Linguarum Europae Heteronyms and semantic density Amsterdam, 1974 P. 16—28
- 14 Ahne M. The structure of meaning // A semiotic landscape Proc. of the First congress of the Intern. association for semiotic studies Milano, 1974 B. 1979 P. 499—503
- 15 Ahne M. The structure of meaning revisited // Quaderni di semantica 1980 № 1 P. 289—305
- 16 Avanesov R. Donadze N. Ivanov V. Sauterelle // Atlas Linguarum Europae I 1 Assen 1983 P. 147—170 Cartes 18—19
- 17 Ahne M. Arc-en ciel // Atlas Linguarum Europae I 1 Assen 1983 P. 47—48 Cartes 6—9
- 18 Ahne M. Belette // Atlas Linguarum Europae I 2 Assen, Maastricht 1986 P. 145—224 Carte 28
- 19 Barros Ferreira M. Ahne M. Coccinelle // Atlas Linguarum Europae I 4 Assen, Maastricht 1990 P. 99—196 Cartes 42—44
- 20 Kuusi M. Regen bei Sonnenschein Zur Weltgeschichte einer Redensart Helsinki, 1957
- 21 Ahne M. I nomi dell'arcobaleno in Europa una ricerca nel quadro dell'ALE // Diacronia, sincronia e cultura Saggi linguistici in onore di Luigi Heilmann Brescia 1984 P. 365—384
- 22 Menéndez Pidal R. Orígenes del Español Estado lingüístico de la península ibérica hasta el siglo XI Madrid, 1964
- 23 Hako M. Das Wiesel in der europäischen Volksüberlieferung mit besonderer Berücksichtigung der finnischen Tradition Helsinki 1956
- 24 Kalmán B. The world of names A study in Hungarian onomatopoeia Bp., 1978
- 25 Gombocz Z. Scritti vari di linguistica generale e ungherese Bologna 1973

Перевела с итальянского и английского Донадзе Н.З.